

Юрий Александров.

Домодедово Московской области

Юрий Геннадьевич Александров родился в Самаре в Трёхгорном (тогда назывались соответственно Куйбышев и Златоуст-36) в 1966 году, переехал в Домодедово (МО), где и живёт. После школы Клайпедская мореходка. Затем ходил в море помощником капитана на рыбопромысловых суда МРХ СССР вплоть до распада СССР без малого 10 лет. Прошёл всю Атлантику: от Никарагуа на западе до Западной Сахары на востоке, от Анголы на юге до Шпицбергена на севере. Пока ходил в море, учился в КТИРПиХ на факультете промысловства. Первые пробы: упомянул об этом в своём рассказе «Про моё двойное знакомство с Виктором Конечким». Пишет прозу в разных жанрах. В ноябре 2022г. участвовал во Всероссийском литературном конкурсе ЛИТКОН в честь 200-летия Ф. М. Достоевского в номинациях ПРОЗА и ПОЭЗИЯ. В 1999 году в городской газете «Клайпеда» г. Клайпеда (Литва) была опубликована подборка мини-рассказов под общим названием «Байки штурмана».

«Золотая» рыбка

Лето 87-го помню, как вчера. Были мы на другой стороне Земли в Анголе, когда-то стране «рабов и рабовладельцев», а тогда уже свободной и социалистической, но голодной. Ловили рыбу и кормили добрых, приветливых и даже восторженных своей революционной неизбежностью жителей страны, находившейся в ленивой, но при этом в смертельной рубке со своими соседями по стране, городам, деревням, домам и джунглям, точно такими же, как они сами, но повстанцами из УНИТА. Улов мы сдавали в разные порты: Луанду, Кабинду, Амбриш, Лобиту.

В тот раз была Луанда.

Не знаю почему, но ещё до того, как я в первый раз прогулялся по столице Анголы, покорившей своей южно-ев-

ропейской красотой, в экзотической интерпретации первооткрывателей типа Колумба и Бартоломеу Диаша, которую тогда нужно было ещё суметь разглядеть в полуразбитых, разграбленных особняках и гасиендах сбежавших колонистов-колонизаторов, в останках проспектов и клумб, зараставших наступающей природой, восстановив в своём воображении былое её название – Луанда, да и она сама стала у меня ассоциироваться с Лаурой из «Маленьких трагедий» А. С. Пушкина. Может, неславянское происхождение нашего великого русского классика повлияло на меня, может быть, потому что они обе были обворожительны, хотя у непушкинской, после выдворения португальских хозяев, вся красота была завуалирована неухоженностью, нищетой и вынужденным терпением и равнодушием к себе её нового поклонника. А может быть, потому что это был первый по-настоящему афро-африканский порт, в котором я побывал (до этого я был в Дакаре, в Сенегале, но это другое – арабо-африканское; к тому же крайне современный по тем временам, прямо-таки портоград) и который сказал мне: «Вот такой я. Чёрный континент». Не знаю!

Ну, так вот.

Швартуемся. Сразу к нашему пароходу один за другим подъезжают крытые грузовики, привозя с собой пылевые облака, ложащиеся поверх распластавшейся с утра жары, смешиваясь с ней, не давая дышать, вызывая липкий неизбежный пот и рефлекторное прищуривание – глоток холодной воды не спасает, а усугубляет и обостряет реакцию организма. Чуть помогает только горячий чай без сахара.

Весы. Охрана. Трюм нервно зевал, то показывая, то скрывая свои внутренние тайны-клады – ящики, до краёв наполненные сверкающей рыбой, пересыпанной рыхлым льдом. У нас на палубе наши матросы, на причале – аборигены. Два

счётчика ящиков – с нашей стороны и с ангольской: ящики, в каждом из которых рыбы килограмм по 25-30, по одному на весы, фиксация веса – сдал, ящики по одному в подошедший грузовик до полного – принял, подпись. Загруженный грузовик отваливал, поднимая на прощанье клубы привезённой им пыли, оставляя её остающимся, добавляя чёрные, непригодные для жизни облака выхлопа, освобождая место такому же, как сам, бескультурному нечестивцу, который и привозил с собой и увозил в себе тоже и также, что и как его предыдущий собрат. И так раз 300 – 400 – десять тонн, это вам не банка с килькой.

На земле весь этот процесс охраняли кубинские камрады (они воевали в Анголе с теми повстанцами), так как со всех сторон перегрузочно-пограничные весы атаквали, словно зомби, голодные босоногие местные. Честно говоря, кубинцы нападавших не жаловали и, в случае чего, били тех и прикладами «калашей», и сапогами, не разбирая возраста, пола, частей тел и последствий.

Я на вахте, на капитанском мостике. Наблюдаю.

И тут вижу, как одному из «пиратов» под сенью одного из автотентов удалось подкрасться к пограничным весам и стащить небольшую рыбину. Сразу бежать с трофеем нельзя – кубинцы увидят, догонят и отвесят по полной. Прятать! Куда?! На этом бедолаге «туника» до пупка и набедренная повязка наподобие такой, как у борцов сумо. Разница лишь в том, что под этой повязкой у смельчака только то, чем его одарили природа и родители. Делать нечего. Сунул он свою добычу под повязку и стоит, как ни в чём не бывало.

Надо заметить, что мы ловили и сдавали рыбу ходками: семь дней на промысле в океане ловим, и дальше на сутки в порт на сдачу. И опять... Поднимаем трал, сортируем улов в ящики, пересыпаем льдом, в трюм.

Я это к тому, что рыба хоть и не замороженная, а лишь охлаждённая, но около нуля градусов в ней было. И вот теперь этот «ноль» под набедренной повязкой везунчика.

Так что догадаться, какой «пожар наоборот», просто-таки криогенный процесс творится сейчас у этого африканца под повязкой, я мог по его лицу. Я чуть ли не физически почувствовал на себе то, что творилось с ним. Мне прямо до слёз стало жалко и себя, и его.

Шалость в глазах счастливца от неожиданной радости-удачи смешалась с физическими изменениями его мимики и всего чернокожего тела, покрасневшего и побелевшего изнутри. И в течение нескольких минут всё это действие окончательно превратилось в выразительный танец племени аборигенов, рассказывающем о вулкане, который вот-вот извергнется и накроет ужасом всё и всех вокруг, как Везувий накрывал Помпею и всех её жителей две тысячи лет назад.

«Беги, дурак, отморозишь!» – крикнул я ему. Голова парня быстро сделала несколько оборотов, выбирая наименее опасное для побега направление. Танец «вулкана» подходил к своему апогею. «Бе-еги-и!» – крикнул я ещё громче. И парень рванул, засверкав своими бело-розовыми пятками, да так, как подмигивает семафор на железнодорожном переезде своими огнями, только несколько раз быстрее. Кубинцы-охранники не то, что растерялись, они не успели сделать буквально ничего, даже развести руками, чем дали беглецу значительную фору на старте. Жестами я показал обделённым и обойдённым соглядатаям причину такого спринтерского забега. Кубинцы согнулись от хохота и... не стали догонять призёра, – они просто не могли разогнуться, признав тем самым его победу.

Так что к финишу тот счастливчик пришёл первым... с «золотым» трофеем.